

0655

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Ким Моренс

СКАНДАЛ У АЛТАРЯ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Ким Лоренс

Скандал у алтаря

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Лоренс К.

Скандал у алтаря / К. Лоренс — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07040-1

Мари есть за что не любить Себастьяна Рея-Дефо. Сначала он унизил и оскорбил ее перед незнакомыми людьми (о том, что он оказал ей этим услугу, она старалась не вспоминать), а сейчас, пусть даже косвенно, Рей-Дефо виноват в том, что ее брат-близнец может закончить жизнь в инвалидном кресле. Так почему бы не испортить ему настроение, если не сорвав, то хотя бы омрачив день его свадьбы?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07040-1

© Лоренс К., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ким Лоренс

Скандал у алтаря

Kim Lawrence

The Sins of Sebastian Rey-Defoe

© 2015 by Kim Lawrence

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Пролог

Газета «Блейздон», 17 ноября 1990 года

Этим утром представитель больницы сообщил, что найденные вчера на ступенях церкви Святого Бенедикта два ребенка, по всей видимости, близнецы, находятся в тяжелом, но стабильном состоянии. Полиция пытается отыскать их мать, которая, возможно, нуждается в медицинской помощи.

«Лондон репортер», 17 ноября 1990 года

Внук покойного Себастьяна Рея заложил первый камень в фундамент нового крыла больницы, носящей имя его деда, известного филантропа. Он заменял своего отца, чьи обязанности капитана сборной команды Аргентины по поло помешали ему присутствовать на церемонии. Семилетний Себастьян Рей-Дефо – сын известной английской светской львицы, леди Сильвии Дефо, и наследник миллиардов семьи Рей, а также поместья Мэндевилл-Холл в Англии. В аварии, результатом которой стала скоропостижная кончина его деда, он отделался незначительными травмами.

14 февраля 2008 года

– Полагаю, существует серьезная причина, по которой я вынужден остановиться в месте, которое зовется «Розовый единорог»? – Само название вызывало у Себа гримасу отвращения.

– Извините. – Его раздражающе бодря личная помощница сделала вид, что не заметила сарказма. – Но сегодня День святого Валентина, и в радиусе двадцати миль от школы Флер нет ни одного приличного отеля, который не был бы забит под завязку. Озерный край считается романтическим местом. Но не стоит тревожиться: это не заразно, – успокоила она Себастьяна. – Отзывы об этом отеле самые восторженные. Ваш номер... Как же там сказано?... Вот! «Элегантный, с множеством приятных мелочей...»

– О господи! – простонал Себ. Его шести футам пяти дюймам только мелочей и не хватало... Может, миниатюрная личная помощница за что-то его наказывает?

– Не будьте букой. Вам повезло, что в «Розовом единороге» отказались от брони.

– Я увольнял людей и за меньшее. Или вы не слышали о моей беспощадности?

Прочитав статью, опубликованную в предыдущем месяце в одном из воскресных приложений, впрочем, опровергнутую несколькими уважаемыми финансовыми журналами, люди должны были решить, что такое богатство, как у него, невозможно нажить, не прибегая к беспощадному попиранию общепринятых правил и норм, а также окружающих.

– Увольняйте, – кивнула личная помощница. – Только где вы найдете другого человека, который оценит ваше своеобразное чувство юмора...

– Похоже, что я шучу?

– Или такого же эффективного сотрудника, как я, который не ударяется в слезы, стоит вам сдвинуть брови или влюбиться.

Себ с трудом сдержал улыбку и покорно проворчал:

– Кто, черт побери, придумал это дурацкое название? «Розовый единорог»!

Вскоре он это понял. Это были те же люди, которые февральским вечером усадили беднягу с гитарой на лужайку. Ему не помогало согреться огонь в мангале. Чтобы, видимо, вдобавок к обморожению нанести ему оскорбление, его заставили обрядиться в какие-то нелепые испанские тряпки, которые не наденет ни один уважающий себя испанец, и исполнять слащавую любовную песенку, под которую парочки обнимались.

Себастьян скривился. Если им нравится такая романтика – их право.

Но смотреть на это без отвращения было невозможно. Впрочем, размышлял он, наверное, это подходящее завершение дня, апогеем которого стала выписка ему штрафа чересчур рыным сотрудником парковки.

Этот день просто обязан был стать праздничным. Его тринадцатилетняя сводная сестра завоевала приз на ярмарке научных идей, устроенной в ее школе, а их мать, леди Сильвия Дефо, вопреки всем ожиданиям, все-таки появилась там, демонстрируя родительскую поддержку, что происходило крайне редко.

Все-таки он должен был бы лучше знать свою матушку. Но она вплыла в зал, заставляя разговоры смолкнуть, принимая всеобщее внимание как должное, и Себ купился на этот акт «материнской заботы».

Правда, все быстро встало на свои места. Леди Сильвия обняла Флер, отстранилась, взглянула на лицо дочери и громко изрекла совет, как ухаживать за кожей. И при этом выразительно добавила, что у нее самой никогда не было не то что прыщей, даже маленького прыщика. Она и не догадывалась, что сильно ранила девочку. Затем она принялась флиртовать со всеми мужчинами, попадавшими в поле ее зрения. Флер, прикусив губу и опустив глаза, мечтала оказаться в любом другом месте, только не здесь. Себ чувствовал боль сводной сестры, как свою, и его гнев разгорался.

Критический момент наступил, когда он обнаружил мать в классе в объятиях недавно женившегося учителя биологии. Двери были распахнуты – их мог видеть любой. Впрочем, в этом и заключался смысл. Матушка обожала подобные сцены.

Предложив смешавшемуся мужчине бумажную салфетку, чтобы стереть помаду с лица, Себ поинтересовался, не хочет ли тот присоединиться к своей молодой жене. Учитель поспешно покинул класс, и Себ, не ходя вокруг да около, потому что мать не понимала экивоков, прямо спросил: какого черта она себе позволяет?

– Я не знаю, почему ты злишься, Себ? – надулась Сильвия. – Почему я не могу немного повеселиться? Твой отец завел интрижку с той ужасной...

Она издала берущее за душу рыдание и позволила слезам, которые умела пускать по заказу, покатиться по щекам.

– Мама, я все это уже слышал, поэтому не жди от меня сочувствия. Разводись, крути романы, выходи замуж – я сыт по горло этим бесконечным круговоротом. Но если ты снова заставишь Флер краснеть за твое поведение...

Слезы иссякли; лицо Сильвии стало испуганным. Себ знал, что это состояние долго не продлится, тем не менее он почувствовал себя негодяем.

– Себ, ты не можешь говорить это серьезно!

Он уже был готов взять свои слова назад, однако заставил себя солгать.

– Я абсолютно серьезен. – Не важно, что сделала Сильвия, но она – его мать. Однако сейчас речь идет о Флер, а девочка нуждается в защите. – Ты понимаешь, что, поступая так, как хочешь, ты причиняешь людям боль? – Испытующе взглядевшись в красивое лицо матери, он покачал головой. – Извини, дурацкий вопрос.

С мрачным выражением, которое заставило нескольких женщин посмотреть ему вслед, Себ направился к входу в «Розовый единорог», который был украшен гирляндами из сухих красных роз, подобающих случаю. Если он найдет одну из этих дурацких шуток на подушке, то... Себ вздохнул. А какой в этом смысл? Весь мир помешался на небылицах про любовь, так что одинокий голос логики просто затеряется в восторженном лепете.

Позволив себе с превосходством усмехнуться, он повернул голову, чтобы смахнуть снежинки с плеча. «Эта ночь вполне может завершиться весьма двусмысленно», – подумал он, скользнув циничным взглядом по целующимся парочкам.

Легкое презрение, не сходявшее с его худого аристократического лица, внезапно сменилось откровенным шоком.

Его взгляд сфокусировался. Пламя, мгновенно возникшее в животе, распространилось по телу, как пожар. Широко расставленные глаза с нависающими над ними четко очерченными бровями, почти такими же черными, как длинные, изогнутые ресницы, потемнели.

Себ не заметил, во что она одета, кроме одного: платье на ней синее. Он очень хотел бы увидеть ее без платья. У нее было роскошное тело с формами, навевающими греховные мысли, и бесконечной длины ноги. Вожделение, охватившее его, отозвалось в паху жаркой волной и оставалось там, пока его жадный взгляд скользил по восхитительным изгибам. А потом он заставил себя посмотреть ей в лицо.

Чувство узнавания его удивило, потому что он никогда не встречал эту женщину. Ее лицо являло собой идеальный овал, но привлекала взгляд не симметрия, а его выражение, когда, смеясь, она смотрела на падающий снег, слегка запрокинув голову и демонстрируя плавный изгиб длинной изящной шеи.

У нее были восхитительные губы, большие глаза, сиявшие в свете фонаря, и буйные волосы, спадавшие длинными то золотистыми, то огненными прядями почти до талии.

Себу в лицо ударил порыв холодного ветра, вырывая мужчину из паутины чар. Опустив тяжелые веки, чтобы дать нервной системе возможность оправиться от почти животного влияния этой рыжей, Себ провел рукой по темным волосам и выдохнул. Воздух со свистом вырвался из его груди.

Затем он снова взглянул на женщину, уже дистанцировавшись от первоначальной инстинктивной реакции. День выдался длинным, а он слишком долго обходился без... «Есть вещи, – подумал Себ, – которые не поручишь личной помощнице».

Как раз в тот момент, когда он делал мысленную заметку освободить уик-энд и решал, с кем можно его провести, – правда, этот вопрос никогда не представлял для Себастьяна Рея-Дефо особой сложности, – до него донесся смех рыжей. Низкий, с хриловатыми нотками, он был наделен восхитительной, почти осязаемой силой. У Себа возникло ощущение, что по его спине провели пальцем.

Он одарил враждебным взглядом мужчину, вызвавшего смех. Кто это? Муж? Любовник? Стоило этой мысли промелькнуть у него в голове, как мужчина повернулся и ладонью приподнял подбородок своей спутницы.

Себ узнал его: счастливцев был женат на местном терапевте, Элис Драммонд. Она совмещала ответственную работу с воспитанием двоих детей. Ее супруг в двадцать лет написал книгу, которую кто-то называл полной глубокого смысла, но на этом его достижения закончились, а сам он почивал на лаврах того хвалебного отклика.

Если не проводил романтические уик-энды с длинноногими рыжеволосыми девицами.

Не его дело, если случайный знакомый неверен своей жене... Стиснув челюсти, Себ отвернулся. А затем она снова засмеялась легким, беззаботным и таким чертовски сексуальным смехом, что внутри у него что-то оборвалось. Сначала его мать, теперь эта женщина... Еще одна красивая эгоистка, которой наплевать, что кто-то страдает, пока она развлекается, оставляя за собой шлейф из разбитых сердец и расколотых браков.

Себа охватил гнев, однако еще оставался крохотный участок мозга, в котором присутствовал здравый смысл, твердящий, что это плохая идея. Но голос разума не был слышен на фоне гремящего оркестра ярости. Себ направился к парочке.

* * *

– Я так понимаю, Элис не смогла сегодня прийти, да, Адриан?

Мари попыталась устоять на ногах, когда Адриан неожиданно отпустил ее. Или оттолкнул?

Он не заметил ее обиженный вопросительный взгляд. Внимание Адриана было приковано к обладателю низкого жесткого голоса. Мари повернула голову, чтобы посмотреть на его обладателя.

Даже не успев толком рассмотреть высокую, впечатляюще атлетическую фигуру незнакомца в дорогом костюме и его красивое лицо, на котором застыла высокомерная маска, девушка ощутила окружающую его ауру властности.

Она почувствовала покалывание кожи, когда обсидиановые глаза незнакомца уставились на нее.

Мари опустила взгляд, и ей стало легче дышать, поскольку контакт с этими невероятными черными глазами, словно проникающими в душу, был разорван. Глаза принадлежали красавцу, какого ей еще не доводилось видеть.

Рядом с ним мрачноватый Адриан, в которого она влюбилась, когда он читал ей стихи, проигрывал. Мари отмахнулась от этой мысли и стала ждать, когда Адриан ее представит. Скажет ли он: «Моя девушка»? Это будет в первый раз – в колледже они вынуждены держаться в рамках приличий. На романы студенток с преподавателями смотрят косо, хотя Адриан утверждает, что это распространенное явление.

По какой-то причине то, что вблизи она оказалась еще красивее, подогрело ярость Себа. Ее огромные, как у кошки, глаза были голубыми, губы – полные и чувственные, а атласная кожа казалась прозрачной. Также выяснилось, что у женщин, крадущих мужей у жен, могут быть веснушки. Они-то и смягчали знойную красоту опасной сирены, придавая ей вид обманчивой невинности.

– Мистер... Себ... Это... В общем...

Себ позволил негодяю, в кои-то веки утратившему дар речи, помучиться еще несколько секунд, а затем вежливо подбодрил:

– Я вас внимательно слушаю.

– Все не так, как вы подумали!

Муж-обманщик сделал еще шаг в сторону, увеличивая расстояние между собой и девушкой – красивой и гордой. Если бы не дыхание, ее можно было бы принять за статую.

Музыка стихла. Все, кто был рядом, чувствуя, что назревает скандал, изо всех сил притворялись, что заняты своими делами и одновременно навестили уши. Девушка сделала было шаг к своему любовнику, но он вытянул руку, запрещая ей приближаться. Она снова застыла, в ее больших глазах отразились смущение и боль. Себ подумал о работающей не покладая рук Элис, обо всех других Элис и подавил жалость.

– Элис, ваша жена, работает или сидит с ребятишками? Как она только справляется? – Он покачал головой, выражая восхищение, и протянул: – Напряженная врачебная практика, двое детей и муж, который бежит на сторону.

Мари ждала, что скажет Адриан. Она мысленно молила его опровергнуть слова этого ужасного человека, который возник словно из ниоткуда, как суровый ангел мщения. Надо сказать, ангелы мщения носят очень дорогую одежду. Пусть Адриан объяснит ему, что он ошибся.

Позже, лежа в постели и попивая шампанское, они посмеются над этим.

Но единственные звуки – шумные вздохи и перешептывания – издавали другие люди. Мари не нужно было поворачивать голову, она спиной чувствовала враждебные и неодобрительные взгляды.

– Я не смог устоять. Она... Я люблю свою жену, но... Вы сами на нее посмотрите!

Последняя надежда умерла.

Она ничего не знала, но это не уменьшало ее вину. Ощущение изоляции было сокрушительным: еще никогда в жизни Мари не чувствовала себя такой одинокой.

Себ не вслушивался в жалкие оправдания этого ничтожества. Он мысленно обвинял ее. Рыжая красавица воплощала в себе все, что он ненавидел в женщинах. Правда, это не помогало справиться с новой волной сильнейшего чувственного голода.

Умом он отвергал и презирал ее, однако его тело ее желало. В общем, для него вся эта ситуация была все равно что соль на рану.

Такая женщина способна поставить любого мужчину на колени. Она сама решила, что ей нужен женатый, ничего толком не добившийся мужчина. А ведь она могла бы заполучить...

«Кого, Себ? Тебя?»

Он не обратил внимания на насмешливый голос, раздавшийся в голове, и продолжение обличительной речи обрушил на нее.

– Простите, я лезу не в свое дело, но вам, видимо, все равно, что дома его ждут жена и дети?

Ее молчание подстегнуло ярость Себа. Он не мог остановиться; переполнявший его гнев требовал выхода.

– Должен ли я понимать, что вы так развлекаетесь? – не скрывая презрения, осведомился он.

Девушка покачнулась, и Себ расслышал, несмотря на ветер, ее прерывистое дыхание. Адриан выпалил очередную порцию оправданий, которые должны были убедить всех, что он жертва. Себ с раздражением повернулся к неверному мужу и пригвоздил его взглядом, в котором сквозил арктический холод.

Тот взмолился:

– Ведь вы не скажете Элис, правда? Это причинит ей боль. Такое больше никогда не повторится.

Себ усмехнулся, подумав про себя, как нелепо звучат подобные слова в устах взрослого человека. Не ответив Адриану, он снова повернулся к девушке.

– Ну а вы? – невесело спросил он. – На что рассчитывали вы? Были уверены, что он женится на вас, потому что между вами – настоящее чувство?

Мари с горечью подумала, что именно так она и считала. Что это истинная любовь, какая бывает только раз в жизни. Но разве она должна оправдываться перед незнакомцем, который почему-то уверен, что имеет право ее отчитывать? Смотреть на Адриана Мари не могла – его жалкий лепет убил остатки ее любви...

А если так, то была ли любовь?

– Ну? – потребовал незнакомец. – Что вы молчите?

От его враждебного тона Мари пробрал озноб. Но она не могла позволить ему и всем этим людям, делавшим вид, что они заняты, но жадно ловящим каждое слово, запугать ее. Гордость заставила ее вскинуть голову.

– Разве я обязана что-то объяснять вам, мистер?.. – спокойно спросила она, радуясь, что голос не выдает ее смятенное состояние. – Мне кажется, это наше личное дело с... – Но имя Адриана Мари произнести не смогла. Она просто кивнула в его сторону и закончила: – С ним. Да и потом, поверите ли вы мне? Вы уже вынесли приговор в отношении меня, даже не зная моего имени, верно? Не буду вас ни в чем разубеждать. – Мари заставила себя взглянуть на Адриана. Хотя удар, который он нанес ей, причинял боль, она не могла не отметить, какой у него жалкий вид. – Ты не стал ничего опровергать, значит, то, что только сказал этот человек, – правда. Всего хорошего.

Она коротко кивнула и зашагала прочь, из последних сил сохраняя достоинство и стараясь не бежать.

– Такая молодая, а уже гадюка, – послышался чей-то полный яда голос, который, похоже, выражал общее мнение.

Мари хотела повернуться, чтобы посмотреть в лицо этой женщине, но ей было так плохо, что она боялась не выдержать и расплакаться. Позволить себе это она не могла, а потому продолжала идти, расправив плечи, делая вид, что ей все равно, что о ней думают эти, в сущности, незнакомые люди. Но почему-то ей было не все равно...

Глава 1

Мари не ожидала, что все окажется настолько просто. Пока никто не спросил, что она делает на оцепленной улице, смешавшись с толпой женщин, осторожно ступающих на своих высоких каблуках по старинным камням мостовой. Все они слегка тревожились, что неуклюжая поза в случае потери равновесия привлечет внимание фотографов, выстроившихся по другую сторону ограждения.

А у нее и без того хватало проблем.

Тень улыбки коснулась ее губ – вообще-то она просто-напросто выполняет предписания врача. Впрочем, вряд ли врач имел в виду именно это, когда заметил, что ее рука с чашкой чаю дрожит, и фактически выгнал Мари из больницы на двадцать четыре часа.

– Мы сообщим вам, если что-то изменится. Отправляйтесь домой, – посоветовал он. – Поешьте, отдохните. Вам необходима смена обстановки и переключение мыслей на что-нибудь другое. Я знаю, это сложно, но вы уже на пределе. Как вы поможете брату, если свалитесь от усталости? Поверьте, я такое видел.

Если бы у нее были силы, Мари, возможно, посмеялась бы над предложением врача подумать о чем-нибудь другом, а не о состоянии своего брата. Но здравый смысл вынудил ее признать, что в его словах есть крупица истины. Поэтому она не стала протестовать, когда он вызвал для нее такси. Однако Мари собиралась вернуться в палату Марка сразу же, как только примет душ и переоденется.

Душ она приняла и сидела, глядя на сэндвич, есть который у нее не было ни малейшего желания. В глубине комнаты работал телевизор, вторгаясь в ее мысли. У Мари закружилась голова, она через силу откусила кусочек сэндвича, прожевала и проглотила его, не чувствуя вкуса. Ее глаза начали закрываться, подбородок опустился на грудь. Из полудремы ее вырвало имя, произнесенное телеведущей. Ненависть прогнала усталость, ее лицо исказилось от отвращения, когда она потянулась к пульту дистанционного управления, чтобы увеличить громкость.

Телеведущая знакомила зрителей с историями жизни невесты и жениха. Эту свадьбу громко именовали «свадьбой года».

О боже, неужели сегодня?..

Ненависть комом застыла в груди и причиняла ей почти физическую боль. Мысли в голове проносились калейдоскопом. Почти все, что нудно перечисляла телеведущая, Мари пропускала мимо ушей. На экране мелькали изображения невесты – красивой и модно одетой – и еще более красивого жениха.

Мари знала все о Себе Рее-Дефо и его будущей жене. По ее мнению, эти двое стоили друг друга. Прочитав объявление об их свадьбе, она расхохоталась.

Невеста, Элиза Прентис, была великосветской красавицей, чья известность, помимо гардероба и связей в обществе, исчерпывалась тем, что она стала звездой реалити-шоу, в котором изображала, что потеряла все свои деньги и решала вопрос: лишится ли она вместе с деньгами и друзей?

Как будто до этого есть кому-то дело! Искренность этой особы наигранная, а способность сопереживать развита, как у рептилии, причем без присущего этим зверькам своеобразного шарма.

И сегодня состоится их свадьба. Благодаря этому ненавистному человеку Марк лежит в больнице, и она если умрет, то умрет девственницей. Зато его день пройдет идеально.

Какая несправедливость!

Впрочем, жизнь и так штука несправедливая, признала Мари, беря пульт, в то время как на экране показались вертолеты, из которых выходили почетные гости в развевающихся на

ветру восточных одежд. В голове девушки созрела мысль, от которой ее глаза широко раскрылись, а пальцы разжались. Пульт упал на пол. Что, если что-нибудь или кто-нибудь испортит их идеальный день? Она рассмеялась. Смех был слегка нервным, в нем страх смешался с возбуждением. Чем больше Мари размышляла, тем сильнее крепла эта мысль. А почему, собственно говоря, не попытаться? Марку, конечно, это не поможет, но почему все должно быть так, как хочет Себастьян Рей-Дефо? Почему он может идти по жизни, свысока глядя на то, а может, даже не задумываясь о том, чем занимаются простые смертные. Его предохраняет подушка безопасности из денег и власти. Он вмешался в ее жизнь и в жизнь Марка и, скорее всего, забыл об их существовании. Почему бы ему не напомнить?

Усталость как рукой сняло. В Мари крепла решимость. Она подошла к шкафу, вытащила свое лучшее платье, приложила его к груди и критично взглянула на себя в зеркало. Этот человек унизил ее на людях. Следует преподать ему урок. Мари мрачно усмехнулась. Пусть попробует получить удовольствие, когда его накормят его собственной кашей.

– Я просто хотела спросить.

Мари перепугалась, когда молодая женщина коснулась ее руки. Не сомневаясь, что чувство вины неоновыми буквами написано на ее лбу, выдавая коварный замысел, Мари покорно ждала, затаив дыхание, когда упадет топор.

А он непременно упадет. Неужели ей придется уйти ни с чем? Ведь второго шанса может не быть. «Поверь в себя», – твердо сказала себе Мари и попыталась улыбнуться.

– Скажите, кто автор этого платья?

Этот вопрос она ожидала услышать меньше всего, поэтому на несколько секунд растерялась, а затем ее губы невольно дрогнули и растянулись в улыбке.

Ответила Мари честно, потому что честность – лучше всего.

– Я затрудняюсь ответить.

Она снова улыбнулась. Эта женщина, казалось, видела, как Мари открывает гардероб, набитый роскошными нарядами, но это было далеко от правды. У нее было в запасе только одно платье, не считая этой удачной покупки – дизайнерской вещи, с которой был срезан ярлычок.

Голубое шелковое платье, вызвавшее восторг незнакомой женщины, обнажало руки и заканчивалось чуть выше колен. Мари нравилась простота кроя, подчеркивающего достоинства ее фигуры, а лазурный оттенок великолепно сочетался с цветом глаз. Люди часто обращали внимание на ее глаза и волосы и спрашивали, не носит ли она цветные контактные линзы для создания такого контраста.

– Если бы у меня были такие волосы, как у вас, я бы тоже не носила шляпу. – Женщина любовалась спадающими на плечи Мари буйными рыжевато-каштановыми прядями. Она с грустью поднесла руку к пышному розовому творению, задорно восседающему на гладких светлых волосах.

Ее раздраженно окликнул высокий молодой человек с цилиндром в руке. Но, увидев Мари, он стер с лица выражение недовольства и поправил галстук. Она сделала вид, что не заметила его восхищения, и попыталась ускользнуть, но молодая женщина преградила ей путь.

– Вы не возражаете?.. – с надеждой спросила она. – Я бы хотела разместить вашу фотографию в своем блоге.

Мари не успела не то что ответить, даже подумать, а женщина уже сфотографировала ее.

– Кто это?

– Мне кажется, модель или актриса, которая снялась в том фильме, где...

В других обстоятельствах, услышав обрывок такого разговора, Мари посмеялась бы, но сейчас ей было не до веселья. Она спешила, у нее была цель, и она не позволяла себе ни на что отвлекаться.

Да, интересно было бы узнать, что они сказали бы, узнав, что она никакая не модель, не актриса и, что самое важное, даже не гостья, приглашенная на свадьбу.

Свадьбу, которую она постарается как следует испортить. Мари отдавала себе отчет, что это детский поступок, но остановиться уже не могла. Пока она не знает как, но непременно сделает то, о чем совсем недавно и помыслить не могла.

Оказывается, все может измениться всего за неделю.

Неделю назад Мари слушала, как ее брат-близнец говорит о том, что его жизнь потеряла смысл. Он не догадывался, что всего через несколько часов произойдет настоящая катастрофа. Для Марка стало ударом то, что его бросила девушка, которую он любил. Брат девушки, в чьих жилах текла голубая кровь, владелец нескольких поместий и большая шишка, счел, что Марк Джонс, который даже не знает, кто его родители, недостаточно хорош для Дефо.

Мари утешала Марка как могла, хотя на самом деле голова у нее кружилась от облегчения. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не издать триумфальный возглас. Тошнотворное чувство, не покидавшее Мари с того момента, как она узнала, кто новая подружка ее брата, наконец исчезло.

От осознания, что она счастлива, когда ее брат, наоборот, глубоко несчастен, Мари жутко терзалась. Но, сообразив, что общение Марка с этой девушкой может закончиться встречей с человеком, который даже спустя шесть лет являлся ей в ночных кошмарах, она жила с ощущением неотвратимой беды.

Да, ей было что сказать этому ханже, считающему себя «блюстителем нравов», очернившему ее перед незнакомыми людьми. Она долгое время мечтала о встрече с ним, чтобы выговориться до конца, хотя в глубине души знала, что такая встреча маловероятна, а точнее, просто невозможна. Даже спустя шесть лет Мари помнила холодный ветер, бивший в лицо, когда она торопливо шагала к отелю, чтобы спрятаться там от свидетелей ее позора, вынесших ей молчаливый и единогласный приговор.

– Его сегодня показывали в новостях. Ты видела?

– Кого? – спросила Мари, мыслями пребывая в кошмаре шестилетней давности.

– Себастьяна Рея-Дефо.

Услышав это имя, она напряглась, а от того, с каким благоговением брат произнес: «Рей-Дефо», – ей захотелось закричать. Она могла восхищаться достижениями человека, хотя лично ее деньги и власть оставляли равнодушной, но Рей-Дефо всего лишь унаследовал и власть, и деньги. Разве это достойно восхищения? И разве можно восхищаться чьей-то красотой, когда она – результат случайного сочетания генов? Только им этот тип обязан своими словно вылепленными скульптором чертами, потрясающими глазами и чувственными губами.

– В новостях говорили о грандиозной сделке, которую он собирается заключить с каким-то государством Персидского залива. Правящая там королевская семья вкладывает половину своих капиталов в компьютеризацию производства. Ноу-хау им предоставит одна из его компаний. Если сделка состоится, тысячи людей будут обеспечены работой...

Мари цинично фыркнула и оборвала брата:

– А он, несомненно, набьет себе карманы.

Марк вздохнул, и в этом вздохе слышалась завистливая нотка.

– Если бы у меня было хотя бы немного денег...

– Какое отношение деньги имеют к тебе и к ней? И так ли уж важно, что думает он, если вы хотите быть вместе?

– Я и не надеялся, что ты поймешь. Ведь ты никогда не любила, правда? Ах, ну да, ты встречаешься только с женатыми мужчинами.

Марк говорил с улыбкой, однако Мари почувствовала себя задетой. Но она поспешила успокоить себя: брату очень больно, если так ему легче пережить удар, что ж, пусть язвит. Хотя

то, что они одни на свете, разве не означает, что они должны поддерживать друг друга, а не подкалывать, особенно когда это неуместно?

Марк был единственным человеком, который знал, что произошло, по крайней мере в общих чертах, потому что признаться во всем Мари не смогла даже брату. Но и скрыть это от него было невозможно. В четыре часа утра она объявилась возле его двери, так как посеяла ключи во время кошмарной поездки, когда ей пришлось сделать кучу пересадок.

– Адриан женат! – выкрикнула Мари.

Она расплакалась прямо в дверях.

Но это осталось в прошлом, напонила себе Мари. С тех пор она очень изменилась.

Ну ладно, может, и не очень. Но девушка отчаянно желала, чтобы этого факта в ее биографии не было. Как она могла быть такой наивной? Да, конечно, тогда ей было всего восемнадцать лет, и она ничего не знала ни о себе, ни о жизни, ни о мужчинах. Теперь Адриан казался ей себялюбивым человечком, вообразившим себя неотразимым мачо и при этом требующим понимания. «На это я, наверное, и клюнула», – с горечью и легкой насмешкой над собой размышляла девушка.

«Если ты не готова, – всплыли в памяти его слова, – я пойму. Ты хочешь, чтобы первый раз стал для тебя незабываемым. Я могу подождать», – великодушно добавил Адриан.

Ее это тронуло, и она поспешила заверить его, что готова и что влюбилась в Озерный край. До Адриана у Мари не было бойфренда. И вдруг потрясающий, умеющий глубоко чувствовать мужчина, похожий на героев Байрона, лекции о творчестве которого он читал, влюбился в нее, в простенькую, не обладающую ничем, кроме привлекательной внешности, Мари Джонс. И ей не терпелось продемонстрировать Адриану, как сильно она его любит.

Она отдалась бы ему, если бы не появился тот человек...

Целый год его образ преследовал ее, а резкие черты безупречно красивого худого лица виделись четче, чем почти сразу расплывшееся лицо Адриана. Так продолжалось до тех пор, пока однажды Мари не открыла журнал, ожидая приема у стоматолога. На фотографии она увидела его. Он был снят на пляже с серебристым песком, слишком красивый, чтобы быть настоящим – совсем как блондинка-модель, с которой он стоял в обнимку.

Так она узнала, как зовут человека, который унизил ее на глазах у толпы, жадно ловящей каждое его слово. Себастьян Рей-Дефо: богатый, одаренный, рожденный не с одной, а с несколькими серебряными ложками во рту. Он с ходу обвинил ее в прелюбодеянии, не потрудившись задать ни одного вопроса. Он поверил Адриану и решил про себя, что во всем виновата именно она. Он даже не предположил, что жертвой может быть Мари. Это типично для людей, которые замечают соринку в чужом глазу, не видя бревна в своем. Тем более это типично для проклятых шовинистов, которые считают, что во всем и всегда виновата женщина. Впрочем, усмехнулась она, Рей-Дефо оказал ей огромную услугу. Если бы не он, она, сама того не зная, совершила бы огромную ошибку в самом начале жизни. Приобретенный опыт научил ее проявлять осторожность во всем, что касается мужчин.

Так что же получается? Он оказал ей услугу? Может, стоит быть ему благодарной? Мари фыркнула. Вряд ли он преследовал эту цель. Он, не задумываясь, растоптал ее, упоенный своей ролью разоблачителя. По какому праву он примерил на себя судейскую мантию?! Нет, ни о какой услуге речь идти не может.

После этого случая Мари долгое время боялась доверять собственным суждениям. Она делала скидку на свою молодость и неопытность, твердила себе, что извлекла драгоценный опыт, но остерегалась мужчин. Это стало проблемой. Когда вроде бы приличный парень извещал желание завязать с ней серьезные отношения, это сразу охлаждало ее чувства.

Мари выбрала в колледже курс психологии и знала, что скажет по поводу ее комплексов профессионал: страх быть отвергнутой проистекает из того, что она – брошенный ребенок.

Но это была поверхностная причина. Марк был точно таким же ребенком, однако он быстро влюблялся и еще быстрее охладевал к женщинам.

Она нахмурилась:

– Знаешь, Марк, иногда мне кажется, что ты вовсе не мой брат.

– Прости, Мари, – покаялся он, подошел к ней и заключил ее в объятия. – Ты ведь знаешь, что язык мой – враг мой. Я, как обычно, брякнул не подумав. Но все было так хорошо! Понимаешь, мне удалось кое-что заработать в прошлом месяце, хотя небольшой заем не помещал бы... Уик-энд вообще был выше всяких похвал. Он был запредельно хорош, Мари, ты не представляешь! Она никогда не говорила, что ее дед – лорд, а дом... Они живут в обалденном поместье Мэндевилл-Холл. Я так понял, что Дефо прибыли в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем или кем-то там еще... – Его красивое лицо, как только порыв восторга угас, осунулось. Марк опустил в кресло.

– Нам повезло, что нас взяла к себе потрясающая семья, – заметила Мари.

Но повезло им только на третий раз.

В первые дни нашлось много людей, желающих взять к себе очаровательных близнецов, которых обнаружили на ступеньках церкви. Общественность была взбудоражена недолго. Но и спустя несколько месяцев, когда власти решили, что биологические родители не одумались и не собираются или не могут воспитывать детишек, было достаточно претендентов на роль приемных родителей.

Однако энтузиазм быстро сошел на нет, когда выяснилось, что один из близнецов страдает аллергией, приводящей к частым приступам кашля и разнообразным высыпаниям на коже, которые удавалось сдерживать только за счет целого набора различных кремов и мазей.

Если бы Мари и Марк не были близнецами, найти дом для розовощекого мальчика-блондина не составило бы труда, но решение властей было однозначным: детей нельзя разделять. Поэтому Марку пришлось страдать из-за своей сестры-аллергика.

До того как попасть к Уорингсам, они сменили две семьи. Чета Уорингс была замечательной. Одна стена в их доме была увешана дюжинами фотографий счастливых детей, которые жили здесь в течение многих лет – кто-то недолго, кто-то, как близнецы, выросли членами их огромной семьи.

– Когда ты устанешь благодарить всех? – протянул Марк. – Может, нам стоит быть чертовски благодарными и нашей биологической матери, оставившей нас на церковных ступеньках?

– Я уверена, у нее были на это причины.

– А мне все равно, были они у нее или нет.

Марк не лукавил, ему действительно было все равно. Мари завидовала брату: он никогда не задавался вопросом «Почему?». Она так не могла.

– Она это сделала, – продолжал Марк. – А ты знаешь, что Дефо знают всех своих предков, начиная с Вильгельма Завоевателя?

Она зевнула.

– Да, ты об этом уже говорил.

– Вот таким происхождением можно гордиться.

Раздражение Мари усилилось, когда она услышала в его голосе завистливые нотки.

– Я не собираюсь стыдиться своего происхождения.

Во-первых, она не виновата, что родители ее бросили. Во-вторых, если бы не приемные родители, неизвестно, как сложилась бы их судьба. Она навсегда сохранит к ним любовь и благодарность. Люди с большим сердцем заслуживают любви и уважения.

– Я тоже не стыжусь, – запротестовал Марк. – Просто я подумал... Может, ты поговоришь с ее братом и сможешь его убедить, что мы не...

Она рассмеялась бы, если бы не пришла в ужас.

– Нет! – поспешно воскликнула Мари.

– Но...

– Боже, Марк, – не выдержала она. – Повзрослей, наконец!

Слова сорвались с губ прежде, чем Мари сумела их удержать. А после того как с Марком случилась беда, она раскаивалась, что не промолчала.

Нет, она не виновата. Во всем виноват он! Ее глаза превратились в щелочки. Мари позволила ненависти затопить ее и с уверенной улыбкой прошла мимо сотрудников службы безопасности в церковь. Вполне возможно, ее выведут под конвоем через заднюю дверь, но за все в этом мире нужно платить. Зато идеальная свадьба будет испорчена. Возможно, их дальнейшая жизнь будет безоблачной, но начало ее она омрачит. Крохотное черное пятнышко. Один миг, когда он побывает в ее шкуре, и все будут осуждать его.

– Ты уверен?

Вопрос, заданный шафером, заставил Себа оторваться от созерцания каменного пола.

– Так, шутка. – Джейк неловко потоптался под пристальным взглядом обсидиановых глаз. – Ведь это окончательно! – выпалил он.

– Не всегда.

Непросто в такой ситуации оставаться объективным, но Себ считал, что у его брака достаточно шансов. Он избежал обычных ловушек, грозящих разрывом в будущем, и самой очевидной из них – предположения, что ключом к успешному браку являются любовь и страсть.

Ему не нужно было ходить далеко, чтобы получить наглядное тому доказательство. Между его родителями существовало и, возможно, продолжало существовать и то и другое. Но их брак, состоящий из нескончаемой череды бурных расставаний и воссоединений, Себ ни в коем случае не мог назвать успешным. Зато так считали они сами и таблоиды, чьи тиражи подскакивали, когда пользующаяся сомнительной славой пара разводилась, женилась или решала рассказать все, как было.

Единственное, что объединяло красавца игрока в поло, которого мало интересовали унаследованные им нескончаемые акры земли в Аргентине, и единственную дочь британского аристократа, знающего толк в том, как весело проводить время, это полное отсутствие самоконтроля и абсолютное пренебрежение к последствиям их поступков.

Хотя их нельзя обвинить в том, что они не пытались что-то изменить: у них на счету было три брака, два развода, а в промежутках – любовники и любовницы. Себ родился, когда они состояли в первом браке. Он был, по его убеждению, спасен в восьмилетнем возрасте дедом, отцом матери, который увез его в Англию. Родители тогда заключили второй, кратковременный, брак. Заметила ли пара, поглощенная отношениями друг с другом, отъезд сына? Возможно, они испытали облегчение, когда их освободили от присутствия ребенка, требующего постоянного внимания.

Сводная сестра Себа, Флер – плод одной из связей матери, находящейся в то время в разводе, – появилась на свет в Мэндевилл-Холле. Ее официально удочерил дед. Ни о какой близости между ней и матерью речи не шло – та оставила малышку через неделю после родов.

Если Себа одолевали сомнения, он спрашивал себя, как в той или иной ситуации поступили бы его родители, и всегда делал наоборот. Это работало. Как-то в детстве его спросили, чего он хочет, и Себ ответил: не быть похожим на своего отца.

Решение восемнадцатилетнего Себа официально изменить фамилию, добавив к Рей девичью фамилию матери, было попыткой отблагодарить деда, который его вырастил. Поступок не вызвал у деда никаких эмоций, но Себ знал и без слов, что это доставило ему удовольствие.

Себ преуспел. Теперь, если в прессе упоминалось имя Дефо, в девяноста случаях из ста это касалось его успехов в бизнесе. Газеты интересовались им, а не последними новостями о жизни его родителей, похожей на нескончаемую мыльную оперу. Его судьба – не продолжение сериала. Его брак не будет похож на катание на американских горках.

Стараясь добиться того, чтобы фамилия Дефо звучала гордо, он приобрел репутацию беспощадного человека. Однако никто не мог сказать, что от его имени несет каким-либо «душком», а это было все, что имело для Себа значение.

Если о нем отзывались как о жестком человеке, он не считал это оскорблением. Он гордился тем, что умел проявлять принципиальность и заставлять людей работать. Фамилия Дефо стала синонимом честных сделок. И заслуженной наградой стал невероятный контракт, который Себ готовился заключить. Шансы наподобие этого выпадают только раз в жизни. Да и со свадьбой вышло удачно, хотя он никак не соотносил брак и сделку. Королевские особы высоко ценили семейные ценности, и в их представлении женатый человек был более стабилен и надежен.

Мысль о том, что брак способен абсолютно изменить мужчину, заставляла уголки его выразительных губ дергаться. Себ не ожидал изменений и уж тем более не намеревался меняться сам.

Ключ к успешному браку заключается в реалистичных ожиданиях. Разумеется, дело не обойдется без компромиссов. Себ был готов серьезно подойти к семейной жизни, он гордился своим самоконтролем и ни секунды не сомневался в своей способности хранить верность супруге.

Ему было хорошо известно, что такое кошмарный брак.

Себу очень хотелось бы, чтобы его дед дожил до сегодняшнего дня и знал, что имя Дефо продолжит жить. Себ сдержал свое обещание. Его легко было дать, потому что он проникся духом преемственности и хотел того же, что и дед: передать наследникам ценности, которые тот ему завещал.

Они с Элизой прекрасно понимали друг друга. Она была согласна с Себом, что для ребенка важны стабильность и дисциплина; они одинаково подходили к созданию семьи, что было важно. Их мнения совпадали почти во всем. Элиза даже решила оставить карьеру и целиком посвятить себя семье. Себ не замечал, чтобы она занималась карьерой, но его тронул этот жест.

Джейк беспокойно шагал по комнате.

– Боже, ненавижу ждать... Что, если?.. Нет, она появится. Не может же тебе повезти... То есть, извини, я не имел в виду... Просто...

Последовало недолгое молчание, после чего завеса темных ресниц взметнулась вверх, оливковая кожа натянулась на высоких скулах Себа – а его лицо и так было лишено даже намека на мягкость.

– Просто что?

– Просто это важный шаг. Ты берешь на себя ответственность за другого человека, которого будешь видеть каждый день.

– Элиза не липнет, как пиявка. – Это сравнение заставило уголки подвижного рта Себа подняться. – Мы оба продолжим жить так, как жили раньше.

Без душещипательных сцен, повышенных тонов и спекуляций в таблоидах.

– Тогда зачем жениться? – Джейк смутился, но продолжил: – Извини, ты счастлив?

– Счастлив? – Себ не считал, что на свете существует такое понятие, как «счастье». Погоню за ним он считал навязчивой идеей. Он жил настоящим. – Я буду счастлив, когда переживу этот день.

* * *

Внутри просторного здания было прохладно, мерцали сотни свечей, а воздух был перенасыщен ароматами жасмина и лилий.

Когда Мари остановилась в середине прохода, напряжение, росшее в ее груди, достигло критической отметки. Ей стало тяжело дышать. Мари казалось, что она тонет, находясь внутри этого великолепного здания, заполненного красивыми людьми.

Они собрались здесь, чтобы стать свидетелями торжества. Она пришла сюда, чтобы... О боже, что она делает? В ее крови бурлил адреналин, но ноги словно прилипли к полу, а руки повисли беспомощными плетями.

– Здесь есть место как раз для вас!

Приветливый голос вывел Мари из состояния, близкого к панике. Стараясь дышать глубоко, она повернула голову и увидела женщину в огромной шляпе. Та махала ей рукой.

– Спасибо, – пробормотала девушка.

Как только она присела на предложенное место, в первом ряду поднялись двое мужчин.

– Мой сын Джейк, – с материнской гордостью представила одного из них женщина. – По нему не скажешь, что он миллионер... и компьютерный гений. Они с Себастьяном дружат со школы.

Мари не смотрела на долговязого мужчину с копной светлых волос. Ее внимание было приковано к человеку, стоящему рядом с ним. В ее сузившихся глазах отражалась еле сдерживаемая ненависть, пока она вбирала в себя эти невозможно широкие плечи и сильную шею, которую венчала темноволосая голова. Он стоял, повернувшись спиной к гостям, подогревая досаду Мари, желавшую видеть его лицо.

Когда все присутствующие встали, Мари, ненавидевшая каждый волосок на его шее, также поднялась, но с некоторым опозданием. Ноги ее дрожали, в горле пересохло. Чувствовала она себя как человек, стоящий на скале и не уверенный, сможет ли он прыгнуть вниз.

Девушка вздернула подбородок. Однажды она уже сбежала и до сих пор сожалеет о своей трусости. Сегодня она никуда бежать не станет.

Через несколько мгновений всплыла невеста, шурша кружевом и атласом. Слабый намек на самодовольство сквозил в ее улыбке. Впрочем, Мари этого не видела, потому что она была единственным человеком, который не повернулся к ней, чтобы выразить восхищение.

– Давай же, давай! – яростно шипела она сквозь стиснутые зубы.

Дама в огромной шляпе наклонилась к ней.

– Дорогая, с вами все в порядке? – спросила она, обмахиваясь полями шляпы, как веером. Мари выдавила улыбку.

– Все хорошо. – Служба началась, и она тихо выдохнула: – Наконец-то.

При звуках его голоса – холодного, уверенного – по ее сотрясавшемуся от дрожи телу прокатилась волна гнева, сжигая последние сомнения.

Позже, когда Мари пыталась восстановить в памяти цепочку событий, предшествовавших скандалу, у нее ничего не получилось – в памяти образовался провал. Она понятия не имела, как оказалась в проходе, но отчетливо помнила, что дважды открывала рот и не могла произнести ни звука.

Только с третьей попытки она обрела голос:

– Я возражаю!

Глава 2

Мари была шокирована почти так же, как две с лишним сотни пар глаз. Все уставились на нее – акустика здесь была отличная.

– Я крайне возражаю. – Осознавая, что голос слабеет, она распрямила плечи и повторила с такой силой, что ее слова эхом отразились от стен. – Крайне!

Грамматически это было неверно, но, несомненно, привлекло внимание. Мари находилась в состоянии, которое можно описать, как ощущения игрока в регби с мячом в руках, когда на него набрасываются соперники. Или, может, это состояние, подпадающее под закон о психическом здоровье. Как там говорится? Представляет опасность для себя и окружающих? Был только один человек, для которого она представляла угрозу, тот, который...

Прекрати думать, Мари! Вот он, твой момент, – не позволяй ему ускользнуть!

– Он!..

Драматическая пауза не была умышленной. Когда человек, который повернулся последним, – ее предполагаемая жертва – взглянул на нее, горло Мари превратилось в пустыню.

В голове мелькнула одна мысль: опасность!

Во многом он выглядел так же, как шесть лет назад: высокомерный, непомерно гордый, с прямым тонким носом, высокими скулами и чувственным ртом. Рот почему-то вызвал у нее ассоциацию с жестокостью. Он был похож на какого-то языческого вождя. Или хищника. Однако Мари ощутила собственную унижительную реакцию на исходящую от него грубую чувственность. Даже кожу на голове стало покалывать от охватившего ее сексуального напряжения, отозвавшегося сокращением мышц внизу живота.

На Мари накатил стыд, и на мгновение девушка смешалась, почти забыв, ради чего она пришла сюда. Вздернув подбородок, она проигнорировала возникшую в животе жаркую волну. Мари хотела, чтобы он почувствовал горечь собственных таблеток, побывал в ее шкуре. Интересно, понравится ему, когда его прилюдно унижат, или нет?

Однако Себастьян держался так, словно ничего не почувствовал. По нему никак нельзя было сказать, что его унизили. Глаза под тяжелыми веками удерживали ее взгляд, и это были глаза хищной птицы, следящей за добычей.

Но она не добыча!

Не в этот раз. А если у него другие соображения на этот счет... Мари опустила голову, закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Затем, с сильно бьющимся сердцем, она снова вскинула голову и протянула к нему руку, заставляя при этом свои пальцы дрожать.

– Ты не можешь так поступить, Себастьян, – с мольбой произнесла она, кладя вторую руку на живот. – Нашему ребенку нужен отец.

Эта женщина оказалась в центре внимания, как только открыла рот. Она говорила с отчаянием, наводившим на мысль, что сердце ее разбито. Когда она умолкла, Себ почувствовал, что в центр внимания угодил он. У него не было достаточно времени на то, чтобы оправиться от шока. Он узнал ее.

Выражение его лица рефлексивно – сказались годы практики – стало невозмутимым, и не столько потому, что это поможет свести ущерб к минимуму, сколько из-за нежелания становиться объектом развлечения для толпы.

Себ увидел, как зашевелились ее губы, и прочитал: «Ты знаешь, кто я?»

Знает ли он?..

В других обстоятельствах он расхохотался бы. Количество ситуаций, когда он терял над собой власть, можно пересчитать по пальцам одной руки, а уж ту историю он точно не забудет. И женщину, заставившую его устроить сцену.

Но даже если каким-то чудом ему удалось бы благополучно стереть инцидент из памяти – а это был не самый лучший момент в его жизни, – Себ никогда не смог бы забыть, какие почти животные чувства она в нем вызвала. При виде ее каждая его клеточка словно наэлектризовалась. Ни до, ни после этого его реакция и близко не подходила к той, какую вызвала в нем врожденная чувственность этой рыжей.

Может быть, она вызывает примитивную реакцию у всех мужчин? Мужчин, которые, в отличие от него, не считают такую реакцию на женщину слабостью. Мужчин, которые идут на поводу у страсти, позволяя ей управлять их жизнями. Мужчин, которым недостает его самоконтроля, без которого он стал бы похож на своего отца.

Себ не сводил с женщины глаз, медленно впитывая в себя все детали ее фигуры, начиная с роскошных пламенеющих локонов, навевающих ассоциации с картинами прерафаэлитов. Локоны обрамляли овальное личико. Не остались без его внимания и ее невероятно длинные ноги, и плавные, вводящие в соблазн изгибы. Все это подчеркивалось платьем, которое, возможно, запретили бы носить в некоторых странах. Или все дело в том, какое тело под ним скрывается?

Себа обурежала похоть. Трудно представить более неподходящую реакцию в этих обстоятельствах. Он стремительно вернулся в реальность и позволил разыграть гнев.

– Что, черт побери, вы устраиваете?! – яростно осведомился он, боковым зрением отмечая движение в ряду, зарезервированном для представителей королевской семьи. Дьявол, это же катастрофа! Куда смотрела служба безопасности?!

Ее шелковая улыбка – сущая провокация – вынудила его невольно шагнуть к ней. На какую-то – фатальную – долю секунды злоба заволокла мозг, лишив Себа возможности мыслить логически.

– Вот теперь вы знаете, каково это! – с бравадой, которую она вовсе не испытывала, бросила ему Мари.

Вообще-то чувствовала она себя довольно странно.

Последнее, что она увидела до того как впервые в жизни потеряла сознание, были черные, неумолимо взирающие на нее глаза, которые проникали в душу.

Когда она упала, Себ был абсолютно уверен, что элегантное падение было таким же фальшивым, как и разыгранный ею спектакль.

Но она не двигалась... Если она в самом деле потеряла сознание, это лишает его удовольствия заставить ее подавиться своими словами. Но даже если рыжая опровергнет то, что сказала, это не сможет полностью ликвидировать ущерб, который она нанесла.

Многие годы Себ потратил на то, чтобы имя Дефо имело какой-то вес, стало брендом, внушающим уверенность, а сейчас, за какие-то несколько секунд эта женщина обратила все его усилия в прах.

Да уж, ну и ирония! Он-то думал, что отсутствие родителей, не пожелавших прервать кругосветный круиз ради свадьбы сына, послужит гарантией того, что этот день пройдет без сцен.

Секунды шли. Все собравшиеся, казалось, затаили дыхание. Но кто-то обязан действовать.

Просунув одну руку под колени рыжей, другой поддерживая ее за спину, Себ поднял женщину, прикидывая про себя, сколько камер телефонов запечатлевают этот момент. Его поступок, похоже, наконец вывел людей из ступора. Публика зашевелилась, послышался негромкий гул, завязались оживленные разговоры. И в них потонул негромкий стон, сорвавшийся с губ женщины, которую он держал на руках.

Ее голова прижалась к его плечу, буйные рыжие волосы оказались повсюду. Себ выплюнул несколько волосков, попавших в рот, и устремил взгляд, в котором горела едва сдерживая

ярость, на ее лицо, изумляясь про себя, как такая красота может таить в себе столь разрушительную силу.

Веки с голубыми жилками дрогнули, но по-прежнему прикрывали ее глаза, а вместе с очередным негромким стоном с ее губ сорвалось слово, похожее на «Марк».

Еще одна жертва?..

Непостижимо, но без сознания она выглядела ранимой, непохожей на мстительную драматическую королеву, какой была несколько минут назад.

Только разрази его гром, если он понимает, почему она это сделала?!

«Вот теперь вы знаете, каково это!» Вроде бы обычная месть. Себ представлял, какой привлекательной может быть жажда мести, но кто ждет шесть лет? В его мозгу, сменяя друг друга, мелькали предположения, пока он шагал, провожаемый взглядами всех присутствовавших, к своей невесте. Его ярость раскалилась добела. Руки Себа были заняты обезумевшей женщиной с помутившимся рассудком. Или она являлась воплощением зла? Однако при этом рыжеволосая ведьма восхитительно пахла.

– Не двигайтесь! – процедил он сквозь зубы, когда она шевельнулась и повернулась так, что ее груди расплющились о его грудь.

Себ поравнялся с Элизой, и его суровое лицо смягчилось. Ему стало стыдно, что он не подумал о ней. Эгоистичный подонок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.